

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ПОСТАНОВЛЕНИЕ
КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ПО ДЕЛУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ВОПРОСА СООТВЕТСТВИЯ КОНСТИТУЦИИ
ЧАСТИ 8 СТАТЬИ 1087.1 ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ
АРМЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ ОБРАЩЕНИЯ АРТАКА ЗЕЙНАЛЯНА

г. Ереван

1 октября 2024 г.

Конституционный Суд в составе А. Диланяна (председательствующий), В. Григоряна, Г. Товмасына, Д. Хачатуряна, О. Овакимяна, Э. Шатиряна, С. Сафарян, А. Вагаршяна, с участием (в рамках письменной процедуры):

заявителя – Артака Зейналяна (далее – Заявитель) и его представителя – адвоката Ашхен Дашян,*

привлеченного в качестве стороны-ответчика по делу представителя Национального Собрания (далее – Ответчик) – начальника Отдела правового обеспечения и обслуживания Аппарата Национального Собрания М. Степанян,

согласно пункту 1 статьи 168, пункту 8 части 1 статьи 169 Конституции, а также статьям 22 и 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде”,

рассмотрел в открытом заседании по письменной процедуре дело “Об определении вопроса соответствия Конституции части 8 статьи 1087.1 Гражданского кодекса Республики Армения на основании обращения Артака Зейналяна”.

Гражданский кодекс Республики Армения (далее – Кодекс) принят Национальным Собранием 5 мая 1998 года, подписан Президентом Республики 28 июля 1998 года и вступил в силу 1 января 1999 года.

Часть 8 статьи 1087.1 Кодекса, озаглавленной “**Порядок и условия компенсации вреда, причиненного чести, достоинству или деловой репутации**”, в действующей на момент возникновения правоотношения редакции устанавливает:

“8. В случае клеветы лицо может потребовать в судебном порядке одной или несколько из следующих мер:

1) если клевета имела место в информации, распространенной лицом, осуществляющим информационную деятельность, – публичного опровержения считающихся клеветой фактических данных и (или) опубликования своего ответа на них в данном средстве информации. Форму опровержения и ответ утверждает суд, руководствуясь Законом Республики Армения “О массовой информации”;

2) выплаты возмещения до 2000-кратного размера установленной минимальной заработной платы”.

Статья 1087.1 Кодекса дополнена в соответствии с Законом ЗР-97-Н от 18.05.2010 года, оспариваемое положение изменено в соответствии с Законом ЗР-330-Н от 24.03.2021 года, согласно которому цифра “2000” пункта 2 части 8 статьи 1087.1 Кодекса заменена цифрой “6000”.

Поводом к рассмотрению дела явилось зарегистрированное в Конституционном Суде 11 апреля 2024 года обращение Артака Зейналяна, на основании которого Конституционный Суд процедурным решением ПРКС-82 от 14 мая 2024 года принял к рассмотрению дело “Об определении вопроса соответствия Конституции части 8 статьи 1087.1 Гражданского кодекса Республики Армения и пункта 2 статьи 3 Закона Республики Армения “О массовой информации” на основании обращения Артака Зейналяна”. Процедурным решением Конституционного Суда ПРКС-146 от 1 октября 2024 года производство по делу частично – в части пункта 2 статьи 3 Закона “О массовой информации” – прекращено

Изучив обращение, письменные объяснения Заявителя и Ответчика, имеющиеся в деле другие документы, проанализировав оспариваемые и относимые положения Закона, Конституционный Суд **УСТАНОВИЛ:**

1. Процессуальная предыстория дела

1.1. Суд первой инстанции общей юрисдикции города Еревана (далее также – Суд), рассмотрев гражданское дело номер ЕД/9074/02/19 по иску Артака Зейналяна против Гаяне Бениаминовны Арустамян, третьего лица – Марины Грантовны Погосян об

обязании опровергнуть порочащую информацию и взыскании компенсации, 18 декабря 2020 года решил:

“Иск Артака Айказовича Зейналяна против Гаяне Бениаминовны Арустамян, третьего лица – Марины Грантовны Погосян об обязанности опровергнуть порочащую информацию и взыскании компенсации удовлетворить частично.

С Гаяне Бениаминовны Арустамян взыскать в пользу Артака Айказовича Зейналяна в качестве компенсации за клевету 100,000.00 драмов РА.

В остальной части иск отклонить.

С Гаяне Бениаминовны Арустамян взыскать в пользу Артака Айказовича Зейналяна в качестве разумной суммы на оплату услуг адвоката 90,000.00 драмов РА.

С Гаяне Бениаминовны Арустамян взыскать в пользу Артака Айказовича Зейналяна в качестве суммы заранее оплаченной государственной пошлины 2,000.00 драмов РА.

(...)”.

1.2. Апелляционный гражданский суд, рассмотрев по письменной процедуре апелляционную жалобу Артака Зейналяна против решения Суда от 18.12.2020 г. – отклоненной части иска, 21 мая 2021 года решил:

“1. Апелляционную жалобу удовлетворить.

Решение суда общей юрисдикции города Еревана РА от 18.12.2020 года по гражданскому делу номер ЕД/9074/02/19 частично – в части отклонения иска отменить и отправить дело в тот же суд на новое рассмотрение в указанном объеме.

(...)”.

1.3. Суд, рассмотрев гражданское дело номер ЕД/9074/02/19 по иску Артака Зейналяна против Гаяне Бениаминовны Арустамян, третьего лица – Марины Грантовны Погосян об обязанности опровергнуть порочащую информацию и взыскании компенсации, 18 октября 2022 года решил:

“Иск Артака Айказовича Зейналяна против Гаяне Бениаминовны Арустамян, третьего лица – Марины Грантовны Погосян об обязанности опровергнуть порочащую информацию и взыскании компенсации отклонить.

(...)”.

В упомянутом решении Суд отметил: “Прежде чем приступить к правовому анализу, суд считает необходимым констатировать, что Апелляционный гражданский суд РА,

решением от 21.05.2021 года частично отменив решение суда первой инстанции общей юрисдикции города Еревана РА от 18.12.2020 года – в части отклонения иска, установил объем рассмотрения – установить, осуществляют ли пользователи социальной сети “Фейсбук” “Marina Poghosyan” и “Gayane Arustamyan” информационную деятельность или нет, и выяснить имущественное положение ответчика Гаяне Арустамян.

Суд решением от 23.09.2021 года “О распределении обязанности доказывания” обязал Истца доказать факт занятия пользователя социальной сети “Фейсбук” “Marina Poghosyan” информационной деятельностью и обязал Ответчика доказать несоразмерность выплаты 2.000.000 драмов РА с точки зрения своего имущественного положения.

Представитель Истца по результатам рассмотрения дела признал, что Третье лицо информационной деятельностью не занимается, а Ответчиком никакие позиции или доказательства в части имущественного положения не были представлены.

(...)

Исходя из вышеизложенных фактических обстоятельств, Суд констатирует, что факт занятия третьим лицом – пользователем социальной сети “Фейсбук” “Marina Poghosyan” информационной деятельностью не был представлен, следовательно, на него не может быть возложена обязанность исполнения меры, предусмотренной подпунктом 1 части 8 статьи 1087.1 Гражданского кодекса Республики Армения”.

1.4. Апелляционный гражданский суд, рассмотрев по письменной процедуре апелляционную жалобу Артака Айказовича Зейналяна против решения Суда от 18.12.2020 г., 22 марта 2023 года решил:

“1. Апелляционную жалобу Артака Айказовича Зейналяна удовлетворить частично – частично отменить решение суда первой инстанции общей юрисдикции города Еревана по гражданскому делу номер ЕД/9074/02/19, вынесенное 18.12.2020 года, и изменить его следующим образом:

“1. Иск Артака Айказовича Зейналяна против Гаяне Бениаминовны Арустамян, третьего лица – Марины Грантовны Погосян об обязанности опровергнуть порочащую информацию и взыскании компенсации удовлетворить частично:

С Гаяне Бениаминовны Арустамян взыскать в пользу Артака Айказовича Зейналяна в качестве компенсации за клевету 500.000 драмов РА.

2. С Гаяне Бениаминовны Арустамян взыскать в пользу Артака Айказовича Зейналяна в качестве суммы заранее оплаченной государственной пошлины в части удовлетворенного искового требования 10.000 драмов РА.

3. С Гаяне Бениаминовны Арустамян взыскать в пользу Артака Айказовича Зейналяна в качестве разумной суммы оплаты за услуги адвоката 110.000 драмов РА.

В остальной части решение оставить без изменений.

(...)

В том же решении Апелляционный суд отметил:

“(...) в условиях отсутствия в ходе разбирательства по настоящему делу доказательства факта занятия пользователя социальной сети “Фейсбук” “Marina Poghosyan” информационной деятельностью, а также учитывая то обстоятельство, что являющаяся предметом спора публикация была размещена на странице социальной сети “Фейсбук” физического лица “Marina Poghosyan”, которая не может рассматриваться как средство информации, Апелляционный суд считает, что подобная информация не может считаться распространенной через средство информации.

В результате Апелляционный гражданский суд считает, что отсутствует основание применения средства защиты, установленного пунктом 1 части 8 статьи 1087.1 Гражданского кодекса Республики Армения. Следовательно, мотивировки подавшего жалобу лица, по оценке Апелляционного суда, являются безосновательными”.

1.5. Кассационный Суд, рассмотрев вопрос принятия к рассмотрению поданной Артаком Зейналяном кассационной жалобы против решения Апелляционного гражданского суда от 22.03.2023 года, 11 октября 2023 года определил отказать в принятии кассационной жалобы к производству.

2. Позиция Заявителя

Заявитель, представляя процессуальную предысторию гражданского дела номер ЕД/9074/02/19, излагая содержание оспариваемых норм и соответствующие позиции Конституционного Суда и Европейского суда по правам человека относительно поднятых вопросов, отмечает: “Законодатель разграничил порядок и условия нематериальной защиты от оскорбления и клеветы, разграничил также защиту от порочащей информации по источнику публикации”. Согласно Заявителю, в случае

оскорбительного выражения жертва нарушения права правомочна требовать от правонарушителя публичного извинения, а в случае клеветы – опубликования опровержения при условии, что порочащая информация была опубликована, придана огласке, распространена “в информации, распространенной лицом, осуществляющим информационную деятельность”. В этом контексте Заявитель подчеркивает: “А кто является “лицом, осуществляющим информационную деятельность” и в какой форме может быть опубликовано опровержение, определяется в порядке, установленном Законом РА “О массовой информации”.

Заявитель утверждает, что согласно существующим правовым регулированиям, если клевета была опубликована, оглашена, распространена в устной форме (без возможности воспроизведения) или посредством не являющейся, по смыслу Закона РА “О массовой информации”, “средством информации” платформы, имеющей возможность воспроизведения, распространения в пространстве и во времени, то жертва нарушения права не имеет возможности предъявить правонарушителю требования об опровержении считающихся клеветой фактов и удалении публикации.

Заявитель обращает внимание Конституционного Суда на то обстоятельство, что информация, распространенная посредством современных средств распространения информации, в частности, через зарегистрированную в социальной сети учетную запись пользователя (аккаунт), постоянно публикуется, оглашается, распространяется. Часто у некоторых аккаунтов несравнимо больше подписчиков, чем у “средств информации”. Более того, по оценке Заявителя, современные алгоритмы управления информационными потоками обеспечивают распространение информации и среди тех “потребителей”, которые не являются “подписчиками” конкретного пользователя или аккаунта, но могут быть потенциальными “покупателями” этого контента. По словам Заявителя, прекращение дальнейшего распространения клеветы, распространенной имеющим 101 подписчика “средством информации”, ее удаление и опубликование ее опровержения как средства правовой защиты предусмотрены, но с аккаунта, имеющего миллион подписчиков, сделать это невозможно.

По мнению Заявителя, пока нет средства защиты, позволяющего опровергнуть, удалить не соответствующую действительности информацию о лице, нарушения будут продолжаться независимо от наличия судебного акта, вынесенного в пользу лица,

обратившегося за судебной защитой. Более того, в условиях неопровержения и неудаления публично представленных не соответствующих действительности фактических данных о лице они будут продолжать порочить честь и достоинство лица, подрывать его деловую репутацию, влеча за собой новое нарушение.

По утверждению Заявителя, часть 8 статьи 1087.1 Кодекса не предусматривает порядок и условие удаления клеветы из аккаунта социальной платформы, опубликования там же опровержения, а статья 3 Закона “О массовой информации” не рассматривает действующий на социальной платформе аккаунт как средство массовой информации.

Заявитель подчеркивает, что человек является высшей ценностью, и защита его чести, достоинства и доброй репутации от клеветы, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, невозможно с помощью финансовой компенсации. Обратная ситуация, по мнению Заявителя, создаст возможность беспрепятственного посягательства на нематериальные блага путем предоставления средств материальной компенсации, что противоречит идее человеческого достоинства как высшей ценности, подтолкнет человека обратиться к старому естественному средству защиты своего права – самозащите права.

В результате Заявитель приходит к выводу, что часть 8 статьи 1087.1 Кодекса, не предусматривая порядок и условия удаления клеветы с аккаунта пользователя социальной платформы, публикации там же опровержения, и статья 3 Закона “О массовой информации”, не рассматривая аккаунт на социальной платформе как средство информации, не соответствуют правовым регулированиям, закрепленным статьями 3, 23, 31, 61, 63 и 75 Конституции.

Обобщая все вышеизложенное, Заявитель просит: “(...) часть 8 статьи 1087.1 Гражданского кодекса РА признать противоречащей статьям 3, 23 и 31, 61 и 63, 28 и 29, 75 Конституции Республики Армения и недействительной постольку, поскольку в случае клеветы, если клевета имела место на аккаунте пользователя социальной сети, не позволяет лицу предъявить пользователю социальной сети требование удалить из аккаунта порочащую информацию и/или публично опровергнуть считающиеся порочащими фактические данные и/или опубликовать ответ на них.

(...) положение подпункта 2 части 1 статьи 3 Закона РА “О массовой информации” признать противоречащим статьям 3, 23 и 31, 61 и 63, 28 и 29, 75 Конституции

Республики Армения и недействительным постольку, поскольку не рассматривает пользователя социальной сети как лицо, осуществляющее информационную деятельность, а аккаунт социальной сети не рассматривает как средство осуществления информации”.

3. Позиции Ответчика

Ответчик, ссылаясь на правовые регулирования, предусмотренные статьями 23, 28, 29, 31, 61, 63 и 75 Конституции, и выраженные Конституционным Судом правовые позиции относительно них, а также относимые прецедентные позиции Европейского суда по правам человека и рассматривая действующие правовые регулирования в контексте судебной практики и международных правовых регулирований, отмечает: “(...) в данном случае нет законодательного пробела и нарушения полного и нормального осуществления законодательно регулируемых правоотношений”.

По оценке Ответчика, законодатель при установлении данных правовых регулирований учел наличие в законодательстве соответствующих правовых гарантий и рассчитывал на формирование соответствующей правоприменительной практики на основе этих правовых гарантий: “(...) установление такой процедуры было целью законодателя”.

Ответчик утверждает, что в данном случае нет невозможности преодоления пробела в законе, в частности, в условиях, когда в рамках предоставленного судам усмотрения, обусловленного фактическими обстоятельствами каждого дела, предметом обсуждения может стать вопрос о том, что конкретный аккаунт социальной сети (в связи с особенностями аккаунта пользователя) может стать средством информации.

На основании вышеизложенного Ответчик считает, что оспариваемое положение своей праворегулирующей ролью соответствует Конституции, не создавая никаких препятствий эффективному осуществлению конституционных прав.

4. Обстоятельства, подлежащие установлению в рамках дела

В рамках конституционно-правового спора по настоящему делу Конституционный Суд считает необходимым рассмотреть следующий вопрос:

- часть 8 статьи 1087.1 Кодекса постольку, поскольку в случае наличия клеветы в информации, распространенной в сети Интернет лицом, не осуществляющим

информационную деятельность, не предусматривает законодательную возможность лица предъявить в судебном порядке требование о публичном опровержении считающихся клеветой фактических данных и (или) их удалении и (или) публично представить свой ответ относительно них, созвучна ли гарантированному статьей 31 Конституции праву, учитывая конституционно-правовое требование наличия механизмов и процедур, необходимых для эффективной реализации основных прав и свобод, предусмотренных статьей 75 Конституции?

5. Правовые позиции Конституционного Суда

5.1. Согласно статье 3 Конституции, озаглавленной **“Человек, его достоинство, основные права и свободы”**, в Республике Армения человек – высшая ценность. Неотчуждаемое достоинство человека – неотъемлемая основа его прав и свобод. Уважение и защита основных прав и свобод человека и гражданина – обязанности публичной власти. Публичная власть ограничена основными правами и свободами человека и гражданина, являющимися непосредственно действующим правом.

Согласно статье 23 Конституции, озаглавленной **“Достоинство человека”**, достоинство человека неумалимо. Итак, **человеческое достоинство является подлежащей абсолютной защите конституционной ценностью, которая предопределяет содержание и объем прав и свобод человека.** Об этом свидетельствует также тот факт, что согласно статье 203 Конституции статья 3 Конституции, в числе других статей, является неизменяемой статьей.

Конституционный Суд, в ряде своих постановлений обращаясь к раскрытию конституционно-правового содержания понятия “достоинство”, в частности, отметил:

- *“Ратифицировав Международный пакт о гражданских и политических правах, Республика Армения признала фундаментальное положение его Преамбулы о том, что “права человека вытекают из присущего человеческой личности достоинства”. В части 1 статьи 3 Конституции указано: “Человек, его достоинство, основные права и свободы – высшие ценности”. Понятие “высшая ценность” здесь не является абстрактным и имеет определенное правовое содержание. “Высшая ценность» означает, что никакая другая ценность, в том числе какая-либо система, призванная решать и*

государственные, и общественные задачи, не может считаться выше” (Постановление от 4 октября 2006 года ПКС-649);

- “важнейшим элементом правового статуса человека и гражданина является его достоинство, которое своим конституционно-правовым содержанием имеет первостепенное значение для свободного, беспрепятственного и гарантированного осуществления всех основных прав и свобод человека и гражданина. Оно также предполагает как исполнение лицом определенных действий и проявление волеизъявления в конституционно допустимых пределах, так и равноценную обязанность государства по их защите” (Постановление от 14 сентября 2010 года ПКС-913);

- “неприкосновенность достоинства человека, право на неприкосновенность его чести и доброго имени касаются не только всего периода человеческой жизни, но государство обязано также создать необходимые правовые гарантии защиты чести и доброго имени и умершего человека” (Постановление от 21 марта 2017 г. ПКС-1358).

Конституционный Суд в рамках своего Постановления от 23 декабря 2021 г. ПКС-1621 отметил: “(...) **Статья 3 Конституции, провозгласив человека высшей ценностью, его достоинство считает краеугольным камнем системы конституционных ценностей, обязывающим публичную власть обеспечить уважение и защиту основных прав и свобод человека и гражданина, одновременно ограничивая публичную власть основными правами и свободами человека и гражданина как непосредственно действующим правом**”.

В свете вышеизложенного Конституционный Суд констатирует, что **в основе конституционно-правовых регулирований лежит человеческое достоинство, на котором базируются его основные права и свободы. Оно предопределяет и содержание, и границы реализации основных прав и свобод, поэтому идея верховенства человеческого достоинства должна лежать в основе как правотворческой, так и правоприменительной деятельности.**

5.2. Аксиологические основы человеческого достоинства нашли отражение также в части 1 статьи 31 Конституции, озаглавленной **“Неприкосновенность частной и семейной жизни, чести и доброго имени”**, согласно которой каждый имеет *право на неприкосновенность* своей частной и семейной жизни, *чести и доброго имени*.

Уважение и защита права на неприкосновенность человеческого достоинства, являющихся его неотъемлемой частью чести и доброго имени являются одними из первых

признаков правового государства и важнейшими элементами общественной системы ценностей.

Согласно правовым позициям Европейского суда по правам человека (далее также – Европейский суд), по смыслу статьи 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее также - Конвенция), “частная жизнь” - это широкое понятие, которое распространяется на ряд аспектов, связанных с личной самобытностью, каковыми являются имя или репутация человека и, помимо этого, включает физическую и психическую неприкосновенность лица. Европейский суд также признает, что право лица на защиту своего доброго имени закреплено в статье 8 как часть права на уважение частной жизни (см. *Høiness v. Norway*, Application no. 43624/14, 19.03.2019, Final 19.06.2019, §63).

О конституционно-правовой значимости права на неприкосновенность достоинства, чести и доброго имени человека свидетельствует также закрепление Учредителем Конституции регулирований, обеспечивающих безусловное уважение и защиту этих ценностей, в частности то, что **в качестве правомерной цели установленного частью 3 статьи 42 Конституции ограничения свободы выражения мнения, гарантированной частью 1 той же статьи, рассматривает защиту чести и доброго имени других лиц.**

Таким образом, часть 1 статьи 42 Конституции, озаглавленной “Свобода выражения мнения”, гарантирует право каждого на свободное выражение своего мнения, которое включает в себя свободу иметь собственное мнение, а также свободу поиска, получения и распространения сведений и идей через какое-либо средство информации без вмешательства государственных органов и органов местного самоуправления и независимо от государственных границ.

Право на свободное выражение мнения лежит в основе демократического общества. Оно является одним из основных условий развития демократического общества, а также каждой личности.

В Постановлении от 26 декабря 2017 года ПКС-1396 Конституционный Суд констатировал, что *“(…) свобода выражения является элементом принципиальной важности не только в системе прав и свобод человека, но и в системе общественных интересов, гарантирование которого является конституционно-правовым и международно-правовым требованием”*.

Вместе с тем свобода выражения мнения не может быть абсолютной и должна быть гармонично сбалансирована с жизненными интересами общества и государства, а также с другими основными правами человека, поэтому Конституционный Суд констатирует, что **средством уравнивания** двух вышеупомянутых конституционных ценностей – неприкосновенности чести и доброго имени и свободы выражения мнения является **возможность ограничения свободы выражения мнения** в предусмотренных Конституцией правомерных целях, **а именно, исходя из соображений защиты чести и доброго имени других лиц** (часть 3 статьи 42 Конституции).

Конституционный Суд в Постановлении от 5 октября 2021 года ПКС-1612 в качестве **содержательных границ осуществления права на свободное выражение мнения отметил необходимость защиты достоинства, чести и доброго имени человека**, а в Постановлении от 29 апреля 2022 года ПКС-1646 констатировал, что “(...) в демократическом обществе свобода выражения мнения не защищает непристойные, нецензурные высказывания, направленные на унижение достоинства человека, а также противоречащее принятым в обществе нормам морали откровенно непристойное поведение в отношении человека и иные формы, нацеленные на унижение человеческого достоинства”.

Таким образом, в вопросе определения содержательных границ осуществления свободы выражения мнения, гарантированной частью 1 статьи 42 Конституции, существенное, решающее значение имеет гарантирование права на неприкосновенность чести и доброго имени лица, установленное частью 1 статьи 31 Конституции.

В свете всего вышеизложенного Конституционный Суд заявляет, что, *с одной стороны*, закрепляя свободу выражения мнения лица, *с другой стороны*, беря под конституционную защиту право на неприкосновенность чести и доброго имени, являющихся неотъемлемой частью достоинства человека, **публичная власть несет конституционно-правовую обязанность по соблюдению баланса двух упомянутых конституционных ценностей, обеспечению жизнеспособности эффективных правовых механизмов их защиты.**

5.3. Статья 75 Конституции закрепляет, что при регулировании основных прав и свобод законами устанавливаются организационные механизмы и процедуры, необходимые для эффективного осуществления этих прав и свобод.

Вышеуказанное требование Конституции направлено на эффективное и реальное воплощение в жизнь закрепленных в Конституции основных прав и свобод, потому что просто закрепления права или свободы недостаточно для полной реализации предоставленной правовой возможности, **следовательно, законодательное закрепление соответствующих механизмов и процедур является необходимой гарантией обеспечения эффективной реализации основных прав и свобод.**

Конституционный Суд, ранее обращаясь к содержанию данного конституционно-правового требования, выразил следующие позиции:

“Вышеупомянутое требование Конституции направлено на эффективное и реальное воплощение в жизнь закрепленных в Конституции основных прав и свобод, поскольку одного лишь закрепления права или свободы недостаточно для полной реализации предоставленной правовой возможности, поэтому законодательное закрепление соответствующих механизмов и процедур является необходимой гарантией обеспечения эффективной реализации основных прав и свобод” (Постановление от 30 ноября 2021 г. ПКС-1618).

“(…) Непосредственно из содержания статьи 75 Конституции следует позитивная обязанность государства устанавливать законом ориентированные на защиту права такие правовые средства, которые обеспечат эффективную, справедливую защиту основных прав и свобод лица посредством независимого, беспристрастного и доступного правосудия как в рамках рассмотрения дела по существу, так и при последующем обжаловании судебных актов.

(…)

Требование статьи 75 Конституции заключается в том, чтобы при регулировании основных прав и свобод законы устанавливали организационные механизмы и процедуры, необходимые для эффективного осуществления этих прав и свобод. Следовательно, с этой точки зрения Конституционный Суд считает важным не только сам факт предусмотрения законом порядка реализации этого права, но и эффективность такого порядка, то есть наличие таких содержащихся в нормах закона праворегулирующих мер, форм и возможность их задействования, которые будут гарантировать полноценную реализацию конституционно predetermined цели, в конкретном случае учитывая также требования статей 78, 79, 80 и 81 Конституции” (Постановление от 19 июня 2018 г. ПКС-1420).

Конституционный Суд в Постановлении от 18 июня 2020 года ПКС-1546, обращаясь к содержанию статьи 75 Конституции, констатировал: “(...) любое законодательное регулирование, а не только ограничение какого-либо основного права или свободы, должно преследовать цель обеспечить организационные механизмы и процедуры, необходимые для эффективного осуществления всех основных прав. Только одновременное наличие всех этих условий в любом законодательном регулировании, тем более в законодательном регулировании, ограничивающем какое-либо основное право или свободу, может обеспечить его соответствие Конституции”.

Конституционный Суд в Постановлении от 8 декабря 2020 года ПКС-1571 констатировал: “Государство должно создавать необходимые гарантии для эффективной реализации прав и свобод человека. Государство обязуется не только признавать, соблюдать и защищать права и свободы, но и создавать такие государственно-правовые механизмы, которые могут эффективно предотвращать, устранять их любые нарушения, восстанавливать нарушенные права и свободы”.

Конституционный Суд заявляет, что защита права на неприкосновенность чести и доброго имени, закрепленного в части 1 статьи 31 Конституции, является конституционно-правовой обязанностью публичной власти: публичная власть несет обязанность обеспечить **всестороннее уважение** подлежащего защите указанного права и **обеспечивающие защиту эффективные законодательные механизмы**, без которых указанное конституционное право будет иметь декларативный характер.

5.4. Таким образом, публичная власть должна гарантировать полную и всестороннюю защиту прав и свобод человека, в числе прочего, также через имеющую исключительную миссию осуществления правосудия судебную систему, обеспечивая механизмы, необходимые для реализации прав на эффективную судебную защиту и справедливое судебное разбирательство.

В этом контексте Конституционный Суд констатирует, что законодатель, учитывая ключевое значение защиты неприкосновенности достоинства, чести и доброго имени человека в судебном порядке, в числе прочего, также в гражданском законодательстве предусмотрел регулирования, направленные на гарантирование настоящих конституционно-правовых ценностей.

В частности, в силу пункта 1 статьи 19 Кодекса честь, достоинство, деловая репутация лица подлежат, в числе прочего, судебной защите от высказанных публично другим лицом оскорблений и клеветы в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом и иными законами. Созвучно упомянутому регулированию, согласно части 1 статьи 1087.1 Кодекса, озаглавленной **“Порядок и условия компенсации вреда, причиненного чести, достоинству или деловой репутации”**, лицо, честь, достоинство или деловая репутация которого опорочены оскорблением или клеветой, может обратиться в суд против лица, нанесшего ему оскорбление и оклеветавшего его.

Вышеупомянутая статья Кодекса дает законодательные определения оскорбления и клеветы, согласно которым:

- **оскорблением** является выражение, публично сделанное посредством слова, изображения, звука, знака либо иным способом с целью опорочить честь, достоинство или деловую репутацию (часть 2 статьи 1087.1 Кодекса);

- **клеветой** является публичное представление о лице таких фактических данных (statement of fact), которые не соответствуют действительности и порочат его честь, достоинство или деловую репутацию (часть 3 статьи 1087.1 Кодекса).

Обращаясь к правовому содержанию понятия “клевета”, Конституционный Суд в рамках своего Постановления от 15 ноября 2011 г. ПКС-997 констатировал:

“Из этой формулировки следует, что характерными признаками клеветы являются:

а) речь идет о фактических данных;

б) они не соответствуют действительности;

в) были представлены публично;

г) порочат честь, достоинство, деловую репутацию лица;

д) они не касаются только представленных средствами массовой информации фактических данных”.

Что касается императивного требования о том, что клевета должна иметь *характер, порочащий* честь, достоинство лица, подрывающий его деловую репутацию, то Конституционный Суд сообщает, что порочащими могут быть такие не соответствующие действительности унижающие честь, достоинство или деловую репутацию лица данные, которые содержат сведения о нарушении физическим или юридическим лицом требований действующего законодательства, проявлении им несправедливого поведения,

проявлении в личной, публичной или политической жизни поведения, противоречащего требованиям этики, допущении при осуществлении экономической, в том числе предпринимательской деятельности недобросовестности, нарушении обычаев делового оборота и иные сведения, которые не обосновываются допустимыми и относимыми доказательствами.

В рамках реализации конституционно-правового предписания по единообразному применению закона Кассационный суд в своей прецедентной практике определил четкие критерии для оценки конкретного выражения в качестве клеветы, каковыми являются:

1) должны быть представлены фактические данные о лице, то есть представленное должно содержать конкретную, четкую информацию об определенном действии или бездействии, оно не должно быть абстрактным;

2) фактические данные о лице должны быть представлены публично¹;

3) представленные фактические данные не должны соответствовать действительности, то есть должны быть ложными, необоснованными, недостоверными;

4) представленные фактические данные в действительности должны порочить честь, достоинство или подрывать деловую репутацию лица (см., например, решение Кассационного суда от 27 апреля 2012 года по гражданскому делу “Татул Манасерян против ООО “Скизб Медиа Кенрон” номер ЕКД/2293/02/10).

5.5. В свете вышеизложенного обращаясь к предусмотренным законодательством **средствам правовой защиты** при оскорблении и клевете, Конституционный Суд считает необходимым констатировать следующее:

Часть 7 статьи 1087.1 Кодекса в редакции, действующей на момент возникновения правоотношения, устанавливает в случае оскорбления запрашиваемые лицом в судебном порядке меры защиты (лицо может потребовать в судебном порядке одной или несколько из следующих мер), каковыми являются:

¹ Согласно сложившейся практике Кассационного суда, публичное выражение или публичное представление может быть сделано посредством опубликования в печати, трансляции по радио или телевидению, распространения средствами массовой информации, **распространения через Интернет**, а также с использованием иных средств телекоммуникационной связи, публичных выступлений или сообщения в той или иной форме хотя бы одному лицу (см. решение Кассационного суда от 27.04.2012 года по гражданскому делу номер ЕКД/2293/02/10).

1) принесение публичного извинения (форму принесения извинения устанавливает суд);

2) если оскорбление имело место в информации, распространенной лицом, осуществляющим информационную деятельность, то полное или частичное опубликование решения суда в этом средстве информации (вид и объем публикации устанавливает суд);

3) выплаты возмещения до 1000-кратного размера установленной минимальной заработной платы.

А согласно оспариваемому положению – части 8 статьи 1087.1 Кодекса в случае клеветы лицо может потребовать в судебном порядке следующие меры защиты (одну или несколько):

1) если клевета имела место в информации, распространенной лицом, осуществляющим информационную деятельность, – публичного опровержения считающихся клеветой фактических данных и (или) опубликования своего ответа на них в данном средстве информации (форму опровержения и ответ утверждает суд, руководствуясь Законом Республики Армения “О массовой информации”);

2) выплаты возмещения до 2000-кратного размера установленной минимальной заработной платы².

Таким образом, законодатель, учитывая, что клевета подразумевает публичное представление не соответствующих действительности сведений, а также исходя из конституционно-правового содержания чести, достоинства и деловой репутации (доброго имени), в качестве наиболее эффективного средства защиты от клеветы предусмотрел такие *специальные правовые меры, как опровержение таких данных и (или) опубликование ответа на них, применение которых, однако, законодатель посчитал возможным только в том случае, если публикация имела место в информации, распространенной лицом, осуществляющим информационную деятельность*. Только в этом случае лицо, честь, достоинство или деловая репутация которого опорочены, может потребовать публичного опровержения считающихся клеветой фактических данных и (или) опубликования своего ответа на них в соответствующем средстве информации (которое

² Действующим регулированием установлено возмещение в 6000-кратном размере установленной минимальной заработной платы.

распространило считающуюся клеветнической информацией). *Причем опровержение данных, считающихся клеветой в силу действующих законодательных регулираний, и (или) опубликование ответа на них хотя и применимы в социальных сетях – в случае сделанных на онлайн-платформах публикаций, в том числе касательно высказываний, сделанных в комментариях социальных сетей, однако только в том случае, когда клевета имела место в рамках информации, распространенной лицом, осуществляющим информационную деятельность.* В противном случае, когда такая информация была распространена через Интернет-сайт лица, не осуществляющего информационную деятельность, в том числе через действующий в социальных сетях личный **аккаунт**, в условиях действующих правовых регулираний не может быть и речи о требовании опровержения считающихся клеветой фактических данных и (или) опубликования ответа на них. *Законодатель в целом не предусмотрел законодательную возможность удаления с Интернет-сайта считающихся клеветническими данных (информации), в том числе в случае распространения такой информации через средство массовой информации, имеющее зарегистрированный в сети Интернет домен, хостинг.*

В связи с вышеизложенным Конституционный Суд считает необходимым обратиться также к сложившейся практике **Кассационного суда**, в рамках которой Кассационный суд констатировал, что правовые регулирания пункта 1 части 8 статьи 1087.1 Кодекса применимы исключительно в том случае, когда клевета имела место в информации, распространенной лицом, осуществляющим информационную деятельность. В частности, Кассационный суд отметил:

“В данном случае законодатель предусмотрел, что вред, причиненный чести, достоинству или деловой репутации лица, возмещается в порядке и на условиях, установленных статьей 1087.1 Гражданского кодекса РА, согласно которому лицо, честь, достоинство или деловая репутация которого опорочены оскорблением или клеветой, может обратиться в суд против лица, нанесшего ему оскорбление или оклеветавшего его. В случае нанесения вреда чести, достоинству или деловой репутации лица путем клеветы лицо может потребовать в судебном порядке как публичного опровержения считающихся клеветой фактических данных и (или) опубликования своего ответа на них, так и выплаты возмещения в 2000-кратном размере установленной

минимальной заработной платы. При этом человек может потребовать первую из вышеперечисленных мер исключительно в том случае, когда клевета была опубликована в информации, распространяемой лицом, осуществляющим информационную деятельность, то есть, по смыслу статьи 3 Закона РА “О массовой информации”, тем юридическим или физическим лицом, в том числе индивидуальным предпринимателем, которое от своего имени через средства массовой информации, в том числе также в социальных сетях, на онлайн-платформах, распространило эту информацию.

(...)

*В данном случае ответчик Мане Геворгян разместила вышеуказанную публикацию на сайте “Facebook” не как осуществляющее информационную деятельность лицо, а как пользователь этого сайта и на своей личной странице, по смыслу статьи 3 Закона РА “О массовой информации” не являясь ни физическим лицом, осуществляющим информационную деятельность, ни индивидуальным предпринимателем, а эта публикация, по смыслу того же Закона, не была распространена через средства информации. Такой вывод Кассационного суда обусловлен тем, что вышеупомянутая личная страница Мане Геворгян не соответствует требованиям, предъявляемым средствами информации статьей 3 Закона РА “О массовой информации” (см. решение Кассационного суда от 10 июня 2024 года по гражданскому делу номер ЕД/16144/02/20). В связи со всем вышеизложенным Конституционный Суд констатирует, что законодательное определение клеветы, а также способы ее распространения шире, чем круг предусмотренных законом средств правовой защиты от нее. Из законодательного определения клеветы следует, что клеветником может быть **каждый**, что предполагает, что средства защиты от публичного представления не соответствующих действительности фактических данных (statement of fact) о конкретном лице должны быть направлены на защиту чести, достоинства или деловой репутации лица **от неопределенного числа лиц**, между тем, по смыслу пункта 1 части 8 статьи 1087.1 Кодекса, лицо, честь, достоинство или деловая репутация которого опорочены, может в судебном порядке потребовать опровержения считающихся клеветой фактических данных и (или) опубликования своего ответа на них исключительно в том случае, когда клевета*

имела место в информации, распространенной лицом, осуществляющим информационную деятельность.

5.6. Рассматривая оспариваемое положение Кодекса в свете восприятия на современном этапе развития технологий широкой общественностью сети Интернет как источника получения, размещения и обмена информацией, Конституционный Суд считает необходимым констатировать следующее:

Рост технологического прогресса и обусловленное этим последующее быстрое развитие общественных отношений способствовали тому, что Интернет стал всеобщепризнанным и распространенным источником получения, размещения и обмена информацией. Сеть Интернет – это глобальная, всемирная информационная система, объединяющая множество пользователей во всем мире. Благодаря современным технологиям информация в Интернете распространяется быстрее, чем в обычных (традиционных) средствах массовой информации: она передается разными способами, в разных объемах, независимо от расстояния и государственных границ, за считанные минуты становясь доступной **неопределенному (неограниченному) числу лиц и, кроме того, распространяемая таким образом информация имеет более низкий уровень контролируемости и большую вероятность навсегда остаться в сети.**

Европейский суд, обращаясь к распространению в Интернете считающихся клеветой и иных очевидно неправомерных высказываний, выразил правовую позицию, согласно которой: *“(…) осуществление пользователем в Интернете деятельности, связанной с высказыванием, создает беспрецедентную возможность для свободы выражения. Это бесспорно и ранее по другим поводам уже было признано Судом (см. Ahmet Yildirim против Турции, номер 3111/10, § 48, ЕСПЧ 2012; и Times Newspapers Ltd (номер 1 и номер 2) против Соединенного Королевства, номер 3002/03 и номер 23676/03, § 27, ЕСПЧ 2009). Однако, наряду с этими преимуществами, могут возникнуть и определенные опасности. Клеветнические и иные явно неправомерные высказывания, в том числе разжигающие ненависть и призывающие к насилию, могут за считанные минуты распространиться по всему миру быстрее, чем когда-либо прежде, а иногда даже сохраниться в Интернете. Эти две противоречивые реальности лежат в основе этого дела. Осознавая необходимость защиты ценностей, лежащих в основе Конвенции, и учитывая, что права, закрепленные в статьях 8 и 10 Конвенции, заслуживают равного уважения, необходимо*

сбалансировать их таким образом, чтобы сохранить их сущность. Итак, хотя Суд признает тот факт, что с точки зрения осуществления свободы слова Интернет дает важные преимущества, он также учитывает, что ответственность за клеветнический или другие виды незаконных высказываний должна, в принципе, сохраняться и является эффективным средством правовой защиты от нарушения прав личности” (см. Delfi AS v. Estonia, Application no. 64569/09, 16.06.2015, §110)³.

В подобных условиях в силу оспариваемых правовых регулирований Кодекса правовая защита чести, достоинства и деловой репутации отличается от содержащей клевету информации, которая имела место: 1) на веб-сайте, зарегистрированном как средство массовой информации; 2) на веб-сайте, не зарегистрированном как таковой (например, на личном аккаунте пользователя сайта), **несмотря на то, что создавшиеся для лица вследствие представления на публичной платформе фактических данных, не соответствующих реальности, фактические последствия в обоих случаях практически одинаковы.** Иными словами, в том случае, когда распространитель являющихся клеветой фактических данных не является лицом, осуществляющим информационную деятельность, **то законодательный инструментарий предъявления в судебном порядке требования о применении нематериального средства защиты и получения удовлетворения такого требования отсутствует.**

В связи с этим Конституционный Суд сообщает, что в условиях посягательства на гарантированное Конституцией право на неприкосновенность частной и семейной жизни, чести и доброго имени посредством клеветы одних **лишь механизмов предоставления материальной компенсации недостаточно.** *В случае посягательства на являющееся предметом рассмотрения право таким образом иногда эффективность и равноценность его защиты можно обеспечить путем нематериальной компенсации со стороны посягающего (независимого субъекта).* *Защита права на неприкосновенность частной и семейной жизни, чести и доброго имени иногда предполагает применение метода нематериальной компенсации, и только в этом случае можно обеспечить ее эффективность и полноту.*

В любом случае “потерпевшая сторона” всегда должна иметь возможность сама решать, какой метод и средства защиты своего права она изберет, исходя из своего

³ Доступно по ссылке: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-162655>

отношения и представления о собственном достоинстве, частной и семейной жизни, чести и добром имени.

5.7. В данном случае в результате изучения дела Конституционный Суд констатирует, что публикация, порочащая честь и достоинство Заявителя, была опубликована на странице в Фейсбуке (личном аккаунте) физического лица “Marina Poghosyan”, и, согласно материалам являющегося предметом рассмотрения гражданского дела, не обосновано, что, по смыслу Закона “О массовой информации”, она является средством информации, а пользователем указанного аккаунта является физическое лицо, осуществляющее информационную деятельность, следовательно, **публичное представление указанной информации не считается осуществленным через средство информации.**

В связи с вышеизложенным Конституционный Суд констатирует, что социальная медиа-платформа “Facebook” является онлайн-сервисом, которая позволяет создавать аккаунт, размещать информацию и т. д. Последняя в широких кругах общества воспринимается как альтернативный источник информации, заменяющий средства массовой информации, но в то же время **не каждый, кто размещает и распространяет информацию на этой платформе, является осуществляющим информационную деятельность лицом, следовательно, источником (субъектом) распространения информации в сети Интернет являются не только лица, осуществляющие информационную деятельность, но также любое лицо, которое свободно как распоряжаться (в частности, публиковать/делиться, делать отметки, комментарии) на своей личной странице информацией, размещенной/распространенной лицами, осуществляющими информационную деятельность, так и размещать, распространять собственную информацию.** Более того, зачастую множество аккаунтов, управляемых частными лицами, в настоящее время обеспечивают **большее количество просмотров и более быстрое распространение информации, чем отдельные средства массовой информации.**

В связи с этим Европейский суд констатирует, что не упускает из вида легкость, масштаб и скорость, с которой информация может распространиться в сети Интернет, в том числе также сохраняемость в сети Интернет размещенной один раз информации, что в случае распространения через сеть Интернет может значительно

усугубить последствия причиненного противоправными высказываниями вреда, который более тяжкий, чем мог бы быть в случае традиционной прессы (см. Delfi AS v. Estonia, Application no. 64569/09, 16.06.2015, §147)⁴.

В свете всего вышеизложенного Конституционный Суд сообщает, что **отсутствие законодательной возможности опровержения и/или удаления** публично представленных не соответствующих действительности **фактических данных** о лице (независимо от субъекта, опубликовавшего их, пока они находятся на публичной платформе) **приводит к продолжению распространения порочащих честь, достоинство и деловую репутацию сведений, а применение на практике предусмотренных Кодексом средств правовой защиты в случае клеветы обесмысливается и они утрачивают свою эффективность.** Между тем, признавая, что честь, достоинство и деловая репутация человека являются нематериальными благами, в качестве приоритетной формы их защиты должно быть установлено нематериальное требование. Об этом свидетельствует также Конституционный Суд, в своем Постановлении от 15 ноября 2011 года ПКС-997 отмечая, что: *“(…) за вред, причиненный вследствие порочащих высказываний (действий), в приоритетном порядке необходимо применять формы нематериальной компенсации”.*

Обобщая все вышеизложенное, Конституционный Суд констатирует, что **в основе императивного требования применения при причинении вреда нематериальным ценностям в приоритетном порядке средств возмещения нематериального вреда лежит такая разумная логика, что при причинении ущерба нематериальным ценностям предоставление исключительно лишь материальной компенсации не может быть ответственно, соразмерной посягательству на честь, достоинство и деловую репутацию лица, поскольку не может равноценно возместить (восстановить) вред, причиненный чести, достоинству и деловой репутации лица.**

5.8. По итогам изучения материалов настоящего дела, Апелляционный гражданский суд в своем решении от 22.03.2023 г. по гражданскому делу номер ЕД/9074/02/19 относительно невозможности применения средства защиты, установленного пунктом 1 части 8 статьи 1087.1 Кодекса, отметил следующее:

⁴ Доступно по ссылке: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-162655>

“(…) в условиях недоказанности в ходе рассмотрения данного дела факта занятия пользователем Facebook “Marina Poghosyan” информационной деятельностью, а также учитывая то обстоятельство, что являющаяся предметом спора публикация была распространена через страницу физического лица “Marina Poghosyan” в Facebook, которую нельзя расценивать как средство информации, Апелляционный суд считает, что указанная информация не может считаться распространенной через средство информации.

В результате Апелляционный суд приходит к выводу об отсутствии основания для применения средства правовой защиты, установленного пунктом 1 части 8 статьи 1087.1 Гражданского кодекса РА. Поэтому, по оценке Апелляционного суда, мотивировки апелланта по поводу этого необоснованны”.

В свете вышеизложенного Конституционный Суд сообщает, что во всех случаях, когда **предъявление требования об опровержении и (или) удалении** являющихся клеветой данных *(независимо от публикующего их субъекта)* **при условии их доступности на публичной платформе (в Интернете) невозможно**, такое законодательное регулирование не обеспечивает эффективную реализацию требований, установленных статьей 75 Конституции, как следствие приводя к нарушению прав лица на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство в контексте гарантирования неприкосновенности достоинства, чести и доброго имени лица.

Конституционный Суд также сообщает, что **опровержение и (или) удаление** публично представленной в сети Интернет информации являются не тождественными, а **независимыми и автономными средствами** защиты, и в некоторых случаях удаление публично размещенной в сети Интернет информации, являющейся клеветой, может быть наиболее эффективным способом **защиты чести, достоинства или деловой репутации**, пресекая продолжающееся распространение клеветы и просмотры подобной информации в Интернете. Между тем законодатель **вообще не предусмотрел правовую возможность** **обязания к удалению** содержащего клевету материала.

В связи с вышеизложенным Конституционный Суд сообщает, что должны действовать такие необходимые организационные механизмы и процедуры, которые в условиях представления о лице фактических данных (statement of fact), не соответствующих действительности и являющихся клеветой, порочащей его честь,

достоинство или деловую репутацию (независимо от представляющего их субъекта), обеспечат возможность их публичного опровержения и (или) опубликования своего ответа на них и (или) обязанности к их удалению, потому что отсутствие такой возможности противоречит статьям 31 и 75 Конституции.

Исходя из результатов рассмотрения дела и руководствуясь пунктом 1 статьи 168, пунктом 8 части 1 статьи 169, статьей 170 Конституции, а также статьями 63, 64 и 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде”, Конституционный Суд **ПОСТАНОВИЛ:**

1. Часть 8 статьи 1087.1 Гражданского кодекса РА постольку, поскольку в случае клеветы, распространенной в сети Интернет лицом, не осуществляющим информационную деятельность, не предусматривает возможность заинтересованного лица опровергнуть клевету, представить на нее свой ответ, удалить ее или иную равноценную вышеуказанным регулированиям возможность, признать противоречащей статье 31 Конституции (в совокупности со статьей 75 Конституции) и недействительной.

2. В соответствии с частью 10 статьи 69 Конституционного закона “О Конституционном Суде” вынесенный в отношении Заявителя окончательный судебный акт подлежит пересмотру на основании вновь открывшегося обстоятельства в установленном законом порядке.

3. Согласно части 2 статьи 170 Конституции настоящее Постановление окончательно и вступает в силу с момента опубликования.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ

А. ДИЛАНЯН

1 октября 2024 года

ПКС-1752

Перевод сделан издательско-переводческим отделом
Конституционного суда Республики Армения